

Научная статья
УДК 81+811.35
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-506-515
EDN: YOTVJO

АКУСТИЧЕСКИЙ МУТАГЕНЕЗ В СОВРЕМЕННОМ КАБАРДИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Мусадин Латифович Карданов¹, Лариса Ханбиевна Хараева²

^{1,2} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

¹ musadin07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3393-549X>

² larisa_charaeva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8993-164X>

Аннотация. В статье затрагиваются спорные вопросы адыгской этимологии и семантики, а также исторической фонетики, касающиеся природы и структуры корневых морфем, которые не получили исчерпывающего решения по настоящее время. Существующие подходы в изучении корневых морфем, получившие свое освещение в работах ученых-адыгovedов, таких как М.А. Кумахов, А.К. Шагиров, Н.Р. Иваноков, Н.Ф. Яковлев, представляются не окончательными и требующими уточнений. В данной работе предлагается отличный от имеющихся подходов взгляд на поднятую проблему и ее оригинальное решение. Рассматриваемые в работе корневые морфемы, грамматикализованные в диахронии, в ходе представленного этимологического и семантического анализа обнаруживают следы акустического и семантического мутагенеза, что в целом оказывает влияние на дальнейшее развитие лексической системы языка. В научный оборот впервые вводится термин акустический мутагенез, под которым подразумевается мутация звуков в современном адыгейском и кабардинском языках с сохранением одного и того же значения или близкого к исходному смыслу. В ходе семантической эволюции утрата одного смыслового значения у корневого элемента не влечет за собой его закрепление в структуре лексических инноваций, его четкого состояния в ситуации препозиции или постпозиции. Корневые морфемы, выделяемые в современном языке как аффиксы, в праязыке находились на одном иерархическом уровне, и их положение в препозиции говорит лишь о их присоединении к остальным корневым элементам, положение в постпозиции об обратном.

Ключевые слова: историческая семантика и фонетика, этимология, внутренняя реконструкция, корневая морфема, абхазо-адыгские языки, кабардинский язык, акустический мутагенез.

Для цитирования: Карданов М.Л., Хараева Л.Х. Акустический мутагенез в современном кабардинском языке // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 506-515. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-506-515. EDN: YOTVJO.

© Карданов М.Л., Хараева Л.Х., 2024

Original article

ACOUSTIC MUTAGENESIS IN THE MODERN KABARDIAN LANGUAGE

Musadin L. Kardanov¹, Larisa Kh. Kharaeva²

^{1,2} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

¹ musadin07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3393-549X>

² larisa_charaeva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8993-164X>

Abstract. The article touches upon controversial issues of Adyghe etymology and semantics, as well as historical phonetics, concerning the nature and structure of root morphemes, which have not been comprehensively resolved to date. The existing approaches to the study of root morphemes, which have received their coverage in the works of scientists such as M.A. Kumakhov, A.K. Shagirov, N.R. Ivanokov, N.F. Yakovlev, do not seem to be definite and require clarification. This paper offers a different view of the problem raised and its original solution from the existing approaches. The root morphemes considered in the work, grammaticalized in diachrony, in the course of the presented etymological and semantic analysis, reveal traces of acoustic and semantic mutagenesis, which generally affects the further development of the lexical system of the language. For the first time, the term acoustic mutagenesis was introduced into scientific circulation, by which we mean the mutation of sounds in modern Adyghe and Kabardian languages while maintaining the same meaning or close to the original meaning. In the course of semantic evolution, the loss of one semantic meaning in the root element does not entail its consolidation in the structure of lexical innovations, its clear state in a situation of preposition or postposition. Root morphemes, distinguished in modern language as affixes, were at the same hierarchical level in the proto-language, and their position in the preposition only indicates their attachment to the rest of the root elements, the position in the postposition indicates the opposite.

Keywords: historical semantics and phonetics, etymology, internal reconstruction, root morpheme, abkhaz-adyghe languages, kabardian language, acoustic mutagenesis.

For citation: Kardanov M.L., Kharaeva L.Kh. Acoustic mutagenesis in the modern Kabardian language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 506-515. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-506-515. EDN: YOTVJO.

© Kardanov M.L., Kharaeva L.Kh., 2024

Введение

В адыго-абхазской сравнительно-исторической морфологии наиболее дискуссионной остается проблема диахронической структуры корня и корневой основы. Так, Н.Ф. Яковлев говорит о первичности односложных корней открытого типа (согласный+гласный) в адыгских языках [Яковлев, Ашхамаф 1941: 216]. Этот вывод лежит в основе дальнейшего построения теории исторического развития морфологического строя и основах лексического состава адыгских языков. Согласно этой точке зрения односложные открытые корни не получают дальнейшего исторического развития [Яковлев, Ашхамаф 1941: 216]. Поэтому образование производных основ и аффиксов на базе открытых односложных корней относится к более поздней эпохе. Противоположный взгляд на структуру древнего адыгского корня высказывает Г.В. Рогава, который считает, что односложный корень открытого типа в прошлом сопровождался префиксальным элементом, являвшимся выражением грамматической категории класса и детерминативным суффиксом одновременно [Рогава 1956: 87]. Со временем появляется новая теория корня, в соответствии с которой корень подвержен постоянному преобразованию, варьированию, что приводит к пониманию невоз-

возможности существования единой модели корня в праязыке. Согласно М.А. Кумахову, для раннего хронологического уровня в абхазском языке характерны разные модели корня [Кумахов 1981: 53]. Очень важным, на наш взгляд, является мнение ученого о том, что префиксальные морфемы категории грамматических классов в именных основах в западнокавказских языках с точки зрения релятивной хронологии «могут соотноситься лишь с эпохой, предшествовавшей периоду западнокавказского языкового единства» [Кумахов 1981: 53]. Эти рассуждения подкрепляются общим мнением о том, что в естественном языке существуют разные модели структурного оформления корня и основы. Однако это бесспорное положение в западно-кавказском сравнительно-историческом языкознании долгое время считалось неприемлемым применительно к праязыку. Для праязыкового состояния постулировалась одна модель корня или основы, т.е. праязык в сущности оставался бы неподвижным научным конструктом, лишенным длительной истории и временных параметров. Между тем праязык, как и естественный язык, является категорией исторической, т.е. характеризуется временными параметрами и имеет длительную историю становления и исключает существование единственной модели корня или основы. В настоящее время вряд ли возможно возвращение к статической теории реконструкции вообще и реконструкции корня в частности, на смену которой пришла динамическая теория реконструкции, в соответствии с которой могут быть постулированы для эпохи абхазского или абхазского языкового единства разные модели корня.

История вопроса. Разностороннее и полное научное изучение абхазского языка – восточного диалекта абхазского (черкесского) языка – началось сравнительно недавно. Например, современный алфавит (до этого периода было сделано несколько попыток на базе арабского и латиницы) на основе кириллицы был создан только в 1936 г. Тем не менее, следует уточнить, что, начиная с конца XVII в., появляются исследования по грамматике, а также труды по лексикографии П.А. Палласа, Г.Ю. Клапрота, А.М. Шегрена, Ш.Б. Ногмова, Л.Г. Лопатинского, Г.Т. Балинта, Б.Л. Хуранова и др. Многие аспекты грамматики, словообразования, лексикологии, фразеологии и стилистики современного абхазского языка к настоящему времени описаны и раскрыты в достаточной степени. Что касается семантики, анализа различных лексико-семантических групп, истории языка и этимологии, то они изучены в меньшей степени. Эти области лингвистического знания представлены отдельными статьями и монографиями.

Этимологические изыскания представлены двумя авторами – А.К. Шагировым и Н.Р. Иванковым, чьи работы занимают особое место в абхазоведении. При этом следует отметить, что недостаток систематических научных этимологических и историко-семасиологических анализов различных групп слов, связанных генетическим родством, лексико-семантических групп, целых лексических гнезд, способствует распространению недостаточно обоснованных взглядов на возникновение и семантику многих архаичных корней в абхазском, в целом, и, абхазском языке, в частности. Попытки реконструкции значения слова, его этимологизации на основе одного диалекта, в котором возможны

случаи особой исторической консервации и сохранности лексики, являются заранее обреченными и не имеющими достаточной доказательной базы. Именно такой подход наблюдается у Н.Р. Иванокова, который рассматривает семантику корневых морфем, привлекая для анализа материал из бжедугского диалекта адыгского языка [Иванов 2015]. По мнению известного ученого В.П. Нерознак, понятие «живая праязыковая модель» является весьма относительным, так как архаизмы, как и их инновации охватывают лишь отдельные подсистемы языка [Нерознак 1981: 297]. Поэтому, необходимо комплексное систематическое изучение корневых морфем на основе широкого общеадыгского лексического материала.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней осуществляется реконструкция архаичного значения корневого элемента *шы*, который имеет широкое распространение в современной общеадыгской лексике.

Методы. Используемый в исследовании метод внутренней историко-семантической реконструкции фонетических и лексических соответствий в родственных языках, а не на материале отдельно взятых современных языка или диалекта, позволяет с большей точностью подойти к определению структуры и семантики корневых морфем, восходящих к эпохе абхазо-адыгского языкового единства, т.е. праязыка.

Источники. Основным источником являются материалы из этимологических словарей [Иванов 2015; Шагиров 1977а; Шагиров 1977б].

Дискуссия

Изначально авторы данной статьи считают неправомерным процесс историко-семасиологического и этимологического анализа лексем и корневых морфем, в частности, отдельно взятых современных адыгейского или кабардино-черкесского языков. Таким образом, вопрос заключается в установлении и соблюдении принципов относительной хронологии, которые в случае с рассматриваемыми языками, предполагает их разграничение на следующие периоды: западнокавказский, абхазо-абазинский, адыгско-убыхский, общеадыгский, уровень существования самостоятельных абхазо-адыгских языков, уровень поздних диалектных инноваций [Хараева 2007: 295]. Из этого вытекает закономерно мысль о том, что изучение структуры и семантики корневых морфем следует вести поэтапно, а именно на первом этапе выделить общеадыгский элемент, проследить его эволюцию на уровне адыгейского и кабардинского языка, а на последующем этапе осуществить поиск языковых соответствий на материале современных абазинского и абхазского языков.

Проводимые исследования доказывают, что выделение общеадыгского корня затруднительно только в тех словах, которые возникли в эпоху абхазо-адыгского праязыка, где без привлечения примеров из родственных языков (абхазского, абазинского, убыхского) восстановление не представляется возможным. Более убедительными являются исследования на временном уровне общеадыгского лексического единства, потому что во многих общеадыгских номинациях, даже получивших разные семантические значения в ходе исторического развития, восстановление архаичного исходного корня не вызывает особых

проблем. Как известно, в адыгских языках и, в целом, в абхазо-адыгской группе, этимологическую и семантическую информацию несут не только корневые элементы, но и префиксы и суффиксы, которые в более раннюю эпоху являлись самостоятельными корневыми морфемами. Грамматикализация аффиксов началась задолго до распада абхазо-адыгского праязыка.

Ученым известен тот языковой факт, что в языках абхазо-адыгской группы и конкретно в адыгском языке каждая фонема имеет четко выводимое лексическое значение, как, например, с гласными *ы* и *э*. За исключением некоторых примеров, значения которых невозможно восстановить по объективным причинам, каждая из этих фонем имеет в лексической и грамматической структуре глагола значение повелительного наклонения. Исходя из значений рассмотренных нами таких корней, можно сказать, что независимо от присутствующего гласного *ы* или *э* с согласным, они восходят к одному лексическому гнезду. Косвенное подтверждение данной мысли находим у других исследователей. Наличие сложных превербов и сложных корней отрицается в работах Н.Р. Иванокова, который этимологизирует более 60 исконных топонимов, этнонимов, гидронимов и имен героев нартского эпоса, предметов экипировки и т.д., разделяя их на звуки со своими значениями. «Наблюдения над этимологическим анализом форм адыгских языков, осуществленные специалистами, позволяет возможным говорить о том, что адыгская морфема представлена в виде одной согласной фонемы. Однако считать, что в адыгских языках нет гласных морфем, вряд ли допустимо...», – пишет Н.Р. Иваноков [Иваноков 2015: 12].

В данной статье мы попытаемся восстановить архаичное значение корневого элемента *шы* [Шагиров 1977b: 140]. В монографии А.К. Шагирова для *шы* выводятся два значения: I брат; II лошадь. Автор справедливо видит первое значение в слове *къуэи* «брат». Последнее слово можно разложить в современном языке как «сын брата». Здесь следует отметить этимологизацию слова Н.Ф. Яковлевым, который отмечал, что *шы* означало первоначально «сородич (без различия пола)» [Яковлев, Ашхамаф 1941: 94]. Такую связь понятий лошади и родственника можно считать, если не универсальной, но, во всяком случае, весьма распространенной у различных народов. Как пишет М.М. Маковский. значение «лошадь» соотносится со значением «человек», «молодой человек». В мифах человек (всадник) нередко превращается в коня, а конь – в человека [Маковский 1996: 105-106]. Второй значение слова *шы* А.К. Шагиров связывает с абхазским *ачьы*, абазинским *чьы* и убыхским *чы* «лошадь» [Шагиров 1977b: 141], что на фонетическом и семантическом уровне не требует доказательств, столь очевидными являются эти языковые параллели. Ко второму слову многими учеными (П. Чарая, Б. Балкаров, Н. Марр) приводятся возможные соответствия с лексемами из других кавказских языков, но ими не приводятся семантические разъяснения. Никто из авторов, занимавшихся вопросами этимологии, не связывает корень *ш(ы)*- с аналогичным элементом в *шэ* «молоко», *шхын* «еда», *мэш* «просо». Для *шэ* «молоко» вряд ли уместны параллели из грузинского *rze*, мегрельского *bža*, сванского *lazə*, чеченского *шура* «молоко», чмалинского *ссара* «кислое молоко», сравниваемые А.К. Шагириным из разных источников в своей работе [Шагиров 1977b: 137].

Мы считаем, что данные адыгские лексемы относятся к одному пласту смыслов. Для определения семантического архаичного значения *шы* в *мэи* «просо» и *шы* «лошадь», следует обратиться к экстралингвистическим факторам и углубиться в историю сельского хозяйства и коневодства. Начало одомашнивания лошади, определяется в промежутке 4-5 тыс. лет назад¹, хотя признается, что люди пытались одомашнить этих животных задолго до этого. Просо признается древнейшим культурным растением и возраст самых древних, обнаруженных при раскопках зерен, датируются 8-7 веками до н.э.

Любая пища, растительная или животная дает человеку силу, здоровье. В младенчестве и раннем детстве, человек, который не способен еще употреблять мясную и растительную пищу, естественно получает силу с молоком матери – *быдзыиэ* «грудное молоко» или просто *иэ* «молоко». Таким образом, мы выдвигаем гипотезу, что современное значение *иэ* «молоко» и второй части в *мэи* «просо» восходят к более архаичному значению *шы/иэ* «сила». Для сравнения, современное кабардинское слово со значением «силы» – *лээц* – происходит от *лэи* <из *шы/иэ* «сила»>. Элемент *и(ы)* со значением «сила» содержится и в слове *ишын* «еда», т.е., опять же, «еда» – это то, что даёт человеку «силу». Данная морфема сохранила свое значение и в номинациях *ишу* «кефир», *ишис* «подлива». *Ишу* «кефир» состоит из *и(ы)* «сила» + *ху(ы)* «белый, белая, белое» и означает «белое, дающее силу». *Ишис* «подлива» также состоит из двух корневых элементов: *шы* «сила» + *ис(ы)* «вода, жидкость», с общим значением «жидкость, дающая силу».

Приведенные языковые примеры дают нам право утверждать, что, в протоязыке языке присутствовала троичная система спирантов *шь-ш-шь* (мягкий – твёрдый – шипяще-свистящий), которая сохранилась в шапсугском диалекте адыгского языка. На наличие мягкого спиранта *шь* в шапсугском диалекте указывает М.А. Кумахов [Кумахов 1981: 197]. Несмотря на тот факт, что в алфавите современного кабардинского языка отсутствует мягкий *шь*, его следы можно проследить во многих примерах: *кэуэшь* «брат», *шьыпху* «сестра», *анэшь* «родственники по линии матери» и т.д. Твёрдый спирант *ш* фиксируется в словах *шы* «лошадь», *мэи* «просо», *иэн* «везти/вести», *иэ* «молоко». Это же корень встречается в слове *ишын* в двух значениях: «кушать» и «еда». Таким образом, мы делаем предположение о том, что архаичное (первичное) значение твёрдого спиранта *и(ы)* – это «сила» (такое предположение делает Н.Т. Гишев – см. далее в статье). Логически можно выстроить цепочку семантических переходов. Ребёнок получает силу из *иэ* «молоко», взрослый человек из *ишын* «еда», значение, которое вытекает из *мэи* «просо». Приручение лошади, ее широкое многофункциональное использование в человеческой жизнедеятельности, приводит к образованию нового слова путем переноса семантического значения *шы* «сила» – *шы* «лошадь» – в дальнейшем его производное *шы* «вести/везти». Язык, как известно, динамическая система знаков и значений и во многих случаях пользуется одним языковым знаком для номинации различных

¹ The origins and spread of domestic horses from the Western Eurasian steppes // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.nature.com/articles/s41586-021-04018-9>. Дата обращения 01.04.2024 г.

явлений. «Язык практически не создает материально новый элемент для новых значений. А вводит в новые взаимоотношения и, тем самым, в новую систему взаимоотношений уже существующие элементы, давая им новую семантическую нагрузку», – пишет Б.М. Берсиров [Берсиров 2001: 7], что подтверждается примерами из языка.

Похожую точку зрения по данному вопросу о семантической близости адыгских лексем, восходящих к одному этимону *шы*, высказывает Н.Т. Гишев, который пишет: «Морфема *-ш(ы)*, встречающаяся в словах *лъэш* (сильный), *Іэшэ* (оружие), *пхъэІэш* (плут), *Іуш* (умный), *зэпэш* (здоровый), *шъуаш* (модная одежда, приличный вид) и т.д., являются производными от некогда существовавшего в языке корня этимона *шы* (сила, сильный)» [Гишев 2008: 210]. Далее автор излагает свою точку зрения трактовки вышеперечисленных сложных слов: *лъэш* (*лъэ* «нога» и *шы* «сила»), *Іэшэ* (*Іэ* «рука» и *шы* «сила»), *Іуш* (*Іу* «рот» и *шы* «сила») [Гишев 2008: 210] и т.д. Однако мы здесь не можем согласиться со всеми значениями слов, которые приводит автор, например, у слова *Іэшэ*. В кабардинском языке функционируют две лексемы: *Іэшэ* «криворукий» и *Іэщэ* «оружие». Первое слово, без сомнения содержит в себе элемент *-шэ* в значении «отведённый» и вся номинация трактуется как «рука отведённая (в сторону)». Второй элемент этого слова присутствует и в примере *Іушэ* «кривой» (букв. Начало (чего-л.) отведённое (в сторону). А пример *Іэщэ* «оружие» нами трактуется как «наличие чего-л. в руках», т.е. элемент *-щ(ы)* – отмечает «наличие чего-л.», ср.: *кІуащ* «пошёл (в прошедшем времени)» - *кІуэ* «ход» + *а* «суффикс прошедшего времени» + *щ* «свидетельствует о наличии действия «ходьбы»». В следующем примере лексема *Іуш* «умный», приведённая Н. Гишевым, мы не относим к возможным производным от *шы* «сила». Слово *Іуш* «умный» можно этимологизировать, как результат действий самого человека, т.е. и тем, что он уже сделал или делает. Иными словами, об умственных способностях человека можно судить до того, как он начал выражать свои мысли, это то, что находится в самом начале, до начала действия, речевого акта. Лексема разлагается на два компонента, один со значением *Іу* «начало», второй *щ(ы)* со значением «наличие», как и в слове *кІуащ* «пошёл». Вся конструкция нами трактуется как «начало наличия».

Морфема *шы* «вести» усматривается нами и в слове *еуштын* «натравить». А.К. Шагиров не допускает ее взаимосвязь с абхазским и абазинским *а-ушьтра/аушьтра* «отпустить», «выпустить», «спустить» [Шагиров 1977b: 177]. Подвергая сомнению данное утверждение, мы считаем, что абхазско-абазинскому *а-ушьтра/аушьтра* «отпустить» соответствует кабардинские *ушит* «ату», *еуштын* «напустить», «натравить», в которых без сомнения просматривается *шы* в значении «вести». Для сравнения можно привести еще несколько примеров из кабардинского: *Іушын* «отвести», *шэн* «вести».

Совсем другое семантическое значение имеет мягкий спираント *шь* в таких лексемах, как *къуэшь* «брат», *шьыпхъу* «сестра», *анэшь* «родственники со стороны матери», *адэшь* «родственники со стороны отца». А.К. Шагиров со ссылкой на работы Ж. Дюмезиля и Н. Трубецкого указывает на родство с абхазским *ашьа*, абазинским *шьа*, убыхским *лъа* в значении «кровь» [Шагиров 1977a:

255]. По нашему мнению, здесь наблюдается не простое родство с приведенными лексемами, а факт архаичного наличия в адыгских языках корневого элемента – мягкого спиранта *шь*. Такое мнение вытекает из семантической структуры приведенных нами примеров. Здесь следует отметить, что современное релятивное слово *къуэшь* «брат» восходит к *шьы* в том же значении. Доказательством служит очевидный факт, что в современном языке до сих пор функционирует обозначение «старшего брата» в форме *шьы нэхъыжь*, а *къуэшь* имело первоначальное значение «сын по крови»: *къуэ* «сын» + *шьы* «кровь», точно так же как и сестра *шьыпхъу* в первичном значении «дочь по крови»: *пхъу* «дочь» + *шьы* «кровь». Сема «кровное родство» сохраняется и в других номинациях, таких как: *анэшь* – *анэ* «мать» + *шьы* «кровь» (букв. Матери по крови (родственники)); *адэшь* – *адэ* «отец» + *шьы* «кровь» (букв. Отца по крови (родственники)).

Согласно приведенному анализу, по всей видимости, полный акустический мутагенез *шь* в *ш* произошёл после разъединения абхазского и адыгского языков и привёл к утрате мягкого спиранта, вследствие чего было утрачено также его семантическое значение «кровь».

Выводы

Выводы статьи основываются на теоретических основах адыгского языкознания, основных тенденциях и закономерностях исторического словообразования и характеристиках семантического развития лексем.

Рассматриваемые в статье корневые элементы *шьы/шы* являются базовой основой широких лексических гнезд. В ходе этимологического анализа выяснена траектория развития лексемы *шы* и выявлен акустический мутагенез мягкого спиранта *шь*. Присутствие значения корневого элемента *шы* в современном языке в разных лексических гнездах иллюстрируется на многочисленных примерах, приведенных в статье.

Основным выводом исследования является идея о том, что взятая для анализа современная корневая морфема *шы* в эпоху абхазо-адыгского праязыка состояла из двух компонентов: мягкого спиранта *шь* и собственно самого спиранта *ш*, каждый из которых имел свое значение, в связи с чем на современном этапе при определении корня в лексических единицах с морфемой *шы* возникают определенные трудности, которые решаются только методом внутренней реконструкции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Берсиров 2001 – *Берсиров Б.М.* Структура и история глагольных основ в адыгских языках. – Майкоп: Адыгея, 2001. – 236 с.
- Гишев 2008 – *Гишев Н.Т.* Избранные труды по языкознанию. – Майкоп: Качество, 2008. – 538 с.
- Иванов 2015 – *Иванов Н.Р.* Избранные труды. Этимологический анализ некоторых адыгских (черкесских) слов. – Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых, 2015. – 360 с.
- Кумахов 1981 – *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. – М.: Наука, 1981. – 288 с.

Маковский 1996 – *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. – М: Владос, 1996. – 416 с.

Нерознак 1981 – *Нерознак В.П., Журавлев В.К., Мажюлис В.П.* и др. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы. – М.: Наука, 1981. – 357 с.

Рогава 1956 – *Рогава Г.В.* К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. – Тбилиси: Издательство Академии наук Грузинской ССР, 1956. – 154 с.

Хараева 2007 – *Хараева Л.Х.* Когнитивное моделирование этимологических гнезд в разносистемных языках: на материале французского и кабардино-черкесского языков: Дис... докт. филол. н-к. – Махачкала, 2007. – 413 с.

Шагиров 1977а – *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. – М.: Наука, 1977. – Т. 1. – 292 с.

Шагиров 1977b – *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. – М.: Наука, 1977. – Т. 2. – 224 с.

Яковлев, Ашхамаф 1941 – *Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.* Грамматика адыгейского литературного языка. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. – 427 с.

REFERENCES

BERSIROV B.M. *Struktura i istoriya glagol'nykh osnov v adygskikh yazykakh* [The structure and history of verbal bases in the Adyghe languages]. – Maikop: Adygeya, 2001. – 236 p. (In Russ.).

GISHEV N.T. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. – Maikop: Kachestvo, 2008. – 538 p. (In Russ.).

IVANOKOV N.R. *Izbrannye trudy. Etimologicheskii analiz nekotorykh adygskikh (cherkesskikh) slov* [Selected works. Etymological analysis of some Adyghe (Circassian) words]. – Nal'chik: Izd. M. i V. Kotlyarovykh, 2015. – 360 p. (In Russ.).

KUMAKHOV M.A. *Sravnitel'no-istoricheskaya fonetika adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Comparative historical phonetics of the Adyghe (Circassian) languages]. – М.: Nauka, 1981. – 288 p. (In Russ.).

MAKOVSKII M.M. *Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simboliki v indoevropeiskikh yazykakh. Obraz mira i miry obrazov* [Comparative Dictionary of mythological symbols in Indo-European languages. The image of the world and the worlds of images]. – М: Vlados, 1996. – 416 p. (In Russ.).

NEROZNAK V.P., ZHURAVLEV V.K., MAZHYULIS V.P. i dr. *Sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie yazykov raznykh semei. Sovremennoe sostoyanie i problem* [Comparative historical study of languages of different families. Current state and problems]. – М.: Nauka, 1981. – 357 p. (In Russ.).

ROGAVA G.V. *K voprosu o strukture imennykh osnov i kategoriakh grammaticheskikh klassov v adygskikh (cherkesskikh) yazykakh* [On the question of the structure of nominal bases and categories of grammatical classes in the Adyghe (Circassian) languages]. – Tbilisi: Izdatel'stvo Akademii nauk Gruzinskoi SSR, 1956. – 154 p. (In Russ.).

KHARAEVA L.KH. *Kognitivnoe modelirovanie etimologicheskikh gnezd v raznosistemnykh yazykakh: na materiale frantsuzskogo i kabardino-cherkesskogo yazykov* [Cognitive modeling of etymological nests in multi-system languages: based on the material of French and Kabardino-Circassian languages]: Dis... doкт. filol. n-k. – Makhachkala, 2007. – 413 p. (In Russ.).

SHAGIROV A.K. *Etimologicheskii slovar' adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Etymological Dictionary of the Adyghe (Circassian) languages]. – М.: Nauka, 1977. – Т. 1. – 292 p. (In Russ.).

SHAGIROV A.K. *Etimologicheskii slovar' adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Etymological Dictionary of the Adyghe (Circassian) languages]. – М.: Nauka, 1977. – Т. 2. – 224 p. (In Russ.).

YAKOVLEV N.F., ASHKHAMAF D. *Grammatika adygeiskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Adyghe literary language]. – M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1941. – 427 p. (In Russ.).

Информация об авторах

М.Л. Карданов – кандидат филологических наук, доцент.

Л.Х. Хараева – доктор филологических наук, профессор.

Information about the authors

M.L. Kardanov – Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor.

L.Kh. Kharaeva – Doctor of Sciences (Philology), professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 15.04.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.